

его индивидуального языка, его мирозерцания в связи с общим художественным развитием его эпохи — вот то, что становится центральной задачей историка западноевропейского искусства. И не случайно В. Н. Лазарев в этой области отдает явное предпочтение монографическому жанру, будь то обстоятельная творческая биография какого-либо мастера или краткий очерк, раскрывающий только самые существенные стороны его искусства.

Другая характерная черта научного метода В. Н. Лазарева — последовательный историзм мышления. Явления художественной жизни он не представляет себе вне конкретной исторической среды, а в них самих он видит сложное отражение социальных и духовных процессов. Ему уже недостаточно поставить художественный памятник в связь с другими памятниками, найти его место в иконографической и стилистической эволюции. Для него это — лишь первая задача историка искусства. Вторая задача — раскрыть связь художественного содержания памятника со своей эпохой. Тут от историка искусства требуется самое серьезное знание и политической истории, и культуры вообще, и религиозной идеологии в частности. И не только знание, но умение привлечь этот материал для решения специально искусствоведческих проблем.

С величайшим уважением относится В. Н. Лазарев к фактам. Только после их кропотливого собирания, объективного изучения и отбора позволяет он себе перейти к выводам и обобщениям. Последние всегда имеют у него очень большую убедительность, так как они возникают в результате анализа огромного фактологического материала, а не являются плодом предвзятых социологических или художественных концепций. Историзм его метода проявляется и в том, что он гибко пользуется им в зависимости от конкретной задачи, конкретных исторических фактов, умело выдвигая на первый план те или другие художественные проблемы. Установление общих закономерностей развития искусства не мешает ему раскрывать индивидуальные особенности этого развития в каждой эпохе, в каждой школе, в каждом отдельном произведении искусства, и в истории византийской, и в истории древнерусской, и в истории итальянской, и в истории голландской, и в истории французской живописи. Коротко говоря, дилетантизму и формалистическому эстетству, приносящим много бед нашему искусствоведению, В. Н. Лазарев сумел противопоставить подлинно научный метод. Как не вспомнить тут слов Ф. И. Буслаява, написанных почти столетие тому назад: «Сравнительный метод состоит не из набора разных клочков того и сего... а в точном аналитическом разборе действительных фактов известного места и времени, кои подлежат рассмотрению. Если нет этой твердой фактической основы, исследователь отрешается от научной почвы, пускается в мечтания и мистицизм и, как искатель приключений, строит воздушные замки»⁴¹.

Как историк искусства В. Н. Лазарев отличается не только исключительной эрудицией. Он наделен также ценным даром понимания живописного произведения в его чисто колористической специфике. Глубоко симптоматично, что при своей разносторонности он сравнительно мало занимался архитектурой и скульптурой, гравюрой и рисунком, но очень много — живописью. Он необычайно чутко улавливает тончайшие оттенки колористического строя и византийской мозаики, и древнерусской иконы, и ренессансной фрески, и картины художника XVIII в., и картины художника-импрессиониста. Недаром его всегда влекли к себе живописцы с особенно совершенным чувством цвета и тона — Рублев, Пьеро делла Франческа, Джорджоне, Тициан, Веласкес, Рубенс, Хальс, Рембрандт, Вермеер, Гварди, Шарден. Недаром он всегда избирает для пристального и любовного анализа произведения высокого живописного мастерства —

⁴¹ Ф. И. Буслаяв. Сочинения, т. III. Л., 1930, стр. 40.